

АЛГОРИТМ ВЫЖИВАНИЯ



КНИГА 3. ПОСТ „МАЯК“»

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

ПОСТ «МАЯК»

<https://litres.ru/74495052>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестьдесят лет после Катастрофы. На побережье океана работает торговый пост — точка контакта между континентальными поселенцами, живущими в мире пара и ламп накаливания, и островитянами, сохранившими лишь сети и гарпуны. Торговля шла тихо — пока не пришла болезнь.

Эпидемия выкашивает островитян: сорок мёртвых за две недели, без врачей и лекарств. На материке гибнут люди — молодой грузчик Мигель, радист Сэм, доктор Орлов. Островитянин Раи поднимает восстание, свергает старого вождя Тики и объявляет континентам войну.

Механик Лев, чинивший дирижабли и читавший блокнот погибшего юноши из прежнего мира, оказывается в центре конфликта. Бронепоезд «Молот» выходит к побережью. Но Лев понимает: война не лечит. Книги печат.

Jack Stails

ПОСТ «МАЯК»

КНИГА 3. ПОСТ «МАЯК»

Jack Stails & Voindin

Часть первая. ТОРГОВЫЙ ПОСТ НОМЕР ДВА (2094)

Глава 1. Утро

Лев любил утро.

Не потому, что утро было хорошим --- на побережье утро всегда было одинаковым: серое небо, мокрый песок, ветер с океана, пахнущий солью и гниющими водорослями. Он любил его за тишину. За те полчаса между рассветом и началом смены, когда никто ничего от тебя не хочет, когда можно сидеть на крыльце насосной станции с кружкой травяного отвара и смотреть, как туман поднимается над водой, и думать --- или не думать, просто смотреть.

Ему было двадцать восемь. Он родился в поселении, в комнате при депо --- в том самом, где жил Томас. Он не знал этого: когда Томас ушёл, Лев уже работал в ангаре. Он помнил только запах мазута и гул ламп накаливания --- как помнят все дети, рождённые в ламповом мире. Мазут и лампы. Его колыбельная.

Он вырос в ангаре, среди дирижаблей. Учился в профессиональной школе --- чертежи, сопромат, термодинамика, механика. Не отличник, не лентяй --- нормальный. Руки --- хорошие, голова --- ясная, характер --- ровный. Из тех, про кого говорят: «надёжный». Не герой, не бунтарь. Просто --- человек, который делает своё дело и не задаёт лишних вопросов.

Он чинил дирижабли. Менял лонжероны, подтягивал болты, смазывал шарниры, перебирал карбюраторы биогазовых моторов. Работа --- чистая, точная, требующая терпения. Он любил её --- не страстно, как любил Томас, а тихо, по-будничному, как любят привычное: за то, что она понятна, что в ней есть порядок, что машина --- честна. Если ты правильно поставил деталь --- она работает. Если неправильно --- ломается. Никаких тайн, никаких «а может быть». Всё --- по чертежу.

Блокнот Томаса он нашёл четыре года назад --- в тот са-

мый год, когда началась торговля с островитянами. Торговец подкинул --- «в подарок, нечитаный». Лев положил его в ящик верстака и забыл. Потом --- ночью, в пустом ангаре --- открыл. Просто так, от скуки. Думал --- чистый, можно использовать для записей.

Страницы были не чистые.

«Сегодня здесь тихо...»

Он прочёл первую страницу. Вторую. Третью. Потом сидел до рассвета, перечитывая, и не понимал --- ничего. «Тёплый пол». Что такое тёплый пол? «Мультик про птицу». Что такое мультик? «Магнитики на холодильнике». Что такое холодильник? Он знал аммиачные холодильники --- чинил их, разбирал, собирал. Но «магнитики» --- это было из другого мира. Мира, которого он не знал.

Но он чувствовал. Чувствовал --- за словами, за непонятными терминами, за кривыми, полустёртыми строками --- человека. Настоящего. Который тосковал. Который любил. Который умер один.

Он не сжёг блокнот. Не показал старейшинам. Просто --- читал. По вечерам, в тишине, под гул ламп. Как другие читают молитвы --- не понимая слов, но веря, что они что-то

значат.

Потом --- торговля. Островитяне. Контакт. Надежда. Его перевели на побережье --- обслуживать насосную станцию на торговом посту номер два. Маленький, удалённый, на полпути между поселением и береговой линией. Четыре человека: Лев, радист, грузчик, повар. Насос, радиостанция, склад, дизель-генератор на биогазе.

Жизнь --- простая. Тихая. Почти --- хорошая.

Почти.

Утро того дня началось как обычно. Лев сидел на крыльце, с кружкой, смотрел на туман. Радист --- старый Сэм, с седой щетиной и кашлем, который не проходил с зимы --- сидел внутри, у передатчика, настраивал частоту. Грузчик --- Мигель, двадцать лет, жилистый, шумный --- таскал ящики из склада на площадку, готовя товар для завтрашнего обмена. Повар --- Марта, пятьдесят два, толстая, добрая, с руками, пахнущими хлебом --- месила тесто на кухне.

Обычный день. Последний обычный день.

--- Лев! --- крикнул Мигель из-за угла. --- Помоги с бочкой! Не могу один сдвинуть!

Лев допил взвар, встал, потянулся. Пошёл к складу. Бочка --- тяжёлая, с кокосовым маслом, присланным островитянами на прошлой неделе. Пахла сладко, не по-здешнему. Лев упёрся в неё плечом, Мигель --- с другой стороны. Бочка сдвинулась, заскрипела по доскам.

--- Тяжёлая, --- сказал Лев. --- Что в ней?

--- Масло. Островное. Марта говорит, на нём можно жарить лучше, чем на сале.

--- На сале --- привычнее.

--- На сале --- дефицит, --- возразил Мигель. --- А масло --- theirs. У них его --- навалом. Меняешь ведро жемчуга на бочку масла --- и обе стороны довольны.

Лев кивнул. Торговля работала. Медленно, неуклюже, с подозрительностью и недоверием --- но работала. Островитяне приносили рыбу, жемчуг, ракушки, масло. Континентальные --- инструменты, пружины, иглы, лезвия. Обмен шёл через санитарный шлюз: всё обрабатывалось кипятком и паром. Санитарный инспектор --- мрачный, вечно недовольный --- стоял на посту, в марлевой повязке, и проверял каждый мешок.

Он не доверял островитянам. Не потому что злой --- потому что боялся. Боялся болезни. И --- как оказалось позже --- был прав.

--- Мигель, --- спросил Лев, оттирая руки от масла, --- ты не чувствуешь ничего?

--- В смысле?

--- Ну... --- Лев замялся. --- Говорят, на островах --- кашель. Кто-то заболел.

--- Слышал, --- Мигель пожал плечами. --- У них всегда кто-то болеет. У них врачей нет. У нас --- хоть травы, хоть Маркос.

--- Маркос --- ветеринаром был, --- заметил Лев.

--- Ну, ветеринаром, человеком --- какая разница. Лечит же.

Лев не ответил. Думал. Не о болезни конкретно --- о чём-то смутном, не оформленном в слова. Ощущение --- как гул в трубах перед тем, как котёл закипит: ещё ничего не случилось, но ты чувствуешь --- давление растёт.

Он не знал, как был прав.

Глава 2. Кашель

За неделю до этого — на островах был обычный день.

Раи, которому было двадцать четыре, чинил сети. Тики, которому было тридцать пять, сидел под пальмой и курил трубку. Мальчики — в море. Мальчики — с сетями. Мальчики — не учатся буквам. Так было всегда. Так было — до Катастрофы. Так было — после.

В общинном доме, в углу, лежал старый генератор — ржавый, мёртвый, но его не выбрасывали. Рядом — спутниковая тарелка, покрытая ржавчиной. Дети спрашивали: «Что это?» Старики отвечали: «Это — оттуда. С Большой земли. Оно умерло. Но мы — помним».

Раз в год, весной, мужчины уходили на Большую землю — за металлом. За ржавым железом, которое осталось от городов. Они не знали, чьё оно. Думали — ничьё. Думали — мёртвое.

Вечером — костёр. Рыба в листьях. Кокосы. Истории. Тики говорил по радио с ангелами. Голос — тёплый, спокойный, с лёгким акцентом — отвечал: «Это мы. Как у вас дела?»

Тики отвечал: «Хорошо. Улов — хороший. Дети — здоровы».

— Хорошо, — говорил голос. — Мы рады. Если нужны антибиотики — скажите. Сбросим в капсулах.

— Нужны, — говорил Тики. — У Марии сын кашляет. Уже неделю.

— Поняли. Сбросим завтра. В лагуну, у большого камня.

— Спасибо.

— Не за что. Мы — рядом.

Тару сидел у приёмника. Смотрел на него. Долго. Потом спросил — ни у кого, у себя:

— Где — рядом?

Никто не ответил. Прилив начался. Вода поднялась. Смы-

ла следы на песке. Смыла всё.

Через неделю — заболел Мигель.

Первый заболел через три дня.

Мигель. Тот самый --- двадцать лет, жилистый, шумный. Утром он был обычным --- таскал ящики, шутил, жаловался на спину. К обеду --- лёг. Сказал: «Голова болит». К вечеру --- жар. К ночи --- кашель, сухой, надрывный, как у Сэма, только --- сильнее. Сильнее.

Марта --- повар --- потрогала его лоб и отдёрнула руку.

--- Горячий, --- сказала она. --- Очень горячий.

Лев стоял в дверях комнаты Мигеля --- маленькой, с дощатыми стенами, с аммиачным холодильником в углу, который он сам же и починил. Мигель лежал на койке, красный, потный, и дышал --- хрипло, с присвистом, как старые кузнечные меха.

--- Сэм, --- позвал Лев. --- Связь с базой. Нужно сказать, что Мигель заболел.

Сэм --- уже не кашлял, потому что рядом с Мигелем его

собственный кашель казался смешным --- сел за передатчик. Постучал ключом Морзе. Подождал. Постучал ещё. Ответ --- через минуту: «Что за болезнь? Симптомы?»

Сэм передал: жар, кашель, слабость. Ответ --- через пять минут: «Изолируйте. Не подходите близко. Ждите врача. Завтра утром».

Завтра утром. Лев посмотрел на Мигеля --- тот метался на койке, бормотал что-то, звал маму --- и подумал: «Завтра --- долго».

Он не спал в ту ночь. Сидел у двери комнаты Мигеля, слушал кашель и думал --- о блокноте Томаса. О строках, которые он читал десятки раз и не понимал: «Если бы у нас были таблетки. Одна таблетка. Белая, маленькая, из светлой аптеки, которая пахнет ментолом и пластиком. Одна таблетка --- и мама дышала бы».

Одна таблетка. Которой не было шестьдесят лет назад. Которой нет --- и сейчас.

--- Мигель, --- позвал он, тихо, через дверь. --- Мигель, ты как?

Ответ --- кашель. Длинный, мокрый, с хрипом. Потом ---

тихо: «Лев... вода...»

Лев принёс воды. Открыл дверь --- и запах ударил его: жар, пот, что-то кислое, незнакомое, от чего желудок сжался. Он налил воды в кружку, подал Мигелю. Тот пил --- жадно, захлёбываясь, и вода текла по подбородку, по шее, на подушку.

--- Спасибо, --- прохрипел Мигель. И --- улыбнулся. Слабо, мокро, но --- улыбнулся. Двадцать лет. Ребёнок.

Лев вышел. Закрыв дверь. Прислонился к стене и стоял так, пока не рассвело.

Утром приехал врач --- из поселения, на телеге, запряжённой биогазовым трактором. Молодой, лет тридцати, с бородой и серьёзными глазами. Звали его доктор Орлов --- из тех, кого учили по старым атласам, у операционного стола, без таблеток, без антибиотиков, с травами и надеждой.

Он осмотрел Мигеля. Долго. Слушал лёгкие --- через трубку из дерева и кожи, самодельный стетоскоп. Смотрел горло. Щупал железы на шее. Проверил глаза --- оттянул веко, посмотрел на зрачок, покачал головой. Заглянул под рубашку --- и замер. Потом вышел к Льву. Лицо --- серое.

--- Что? --- спросил Лев.

--- Пневмония. Обе доли. Но не только. --- Орлов помолчал. --- Я такого не видел. Сыпь. На спине, на груди. Мелкая, красная, похожая на песок, который насыпали на кожу. И жар --- слишком высокий. Это не простуда и не обычное воспаление лёгких.

--- Что это?

--- Не знаю. --- Орлов сказал это просто, без вранья. --- Я --- не знаю. У меня --- атлас шестидесятилетней давности. Травы. Паровые стерилизаторы. Я лечу то, что знаю. Этого --- не знаю.

Лев смотрел на него. И думал --- снова, как ночью --- о таблетке. Одной. Маленькой. Белой. Которой нет.

--- Он умрёт? --- спросил Лев.

--- Если жар не спадёт --- да. --- Орлов не отвёл глаз. --- Я сделаю что могу. Отвар, компрессы, обтирания. Но это --- не лечение. Это --- попытка. Понимаешь? Попытка.

--- Понимаю, --- кивнул Лев. И добавил, тише: --- Пытайтесь.

Орлов остался на посту. Лечил. Отварами, компрессами, горячими обёртываниями. Мигель горел. Кашлял. Звал маму.

Через два дня --- умер.

Тихо. Ночью. Без крика, без хрипа --- просто перестал дышать. Орлов сидел рядом и держал его за руку. Когда Лев пришёл утром --- врач стоял у окна, спиной к телу, и молчал.

--- Я не успел, --- сказал он. Голос --- пустой, как труба без пара.

Лев вошёл в комнату. Мигель лежал --- маленький, жёлтый, уже не красный. Губы --- синие. Руки --- сложены на груди, как у спящего. Ему было двадцать. Он таскал ящики и шутил про кокосовое масло.

Лев стоял и смотрел. И не чувствовал ничего --- кроме тяжести. Тяжёлой, свинцовой, как будто кто-то положил ему на плечи кувалду. Не боль --- не ещё. Тяжесть. Тяжесть непонимания.

Почему?

Глава 3. Сорок мёртвых

Это не остановилось.

Мигель был первым --- но не последним. Через неделю --- заболел грузчик на посту номер один. Через две --- повар на посту номер три. Потом --- радист на четвёртом. Болезнь шла по побережью, от поста к посту, от человека к человеку, тихо, медленно, неотвратно.

На континенте --- справлялись. Едва. Десяток заболевших, трое мёртвых. Остальные --- выжили, на травах, на отварах, на упрямстве врачей, которые не знали, что лечат, но лечили. Карантин --- жёсткий, немедленный --- помогал. Изоляция общин друг от друга, большие расстояния, леса и бездорожье --- всё, что было проклятием для торговли, стало спасением от эпидемии.

Но на островах --- не было расстояний. Не было лесов. Не было карантинных зон. Триста с лишним человек на семи клочках коралла, в хижинах из пальмовых листьев, где все --- рядом, где все --- дышат одним воздухом, где один чих заражает десять.

Островитянин, работавший на посту, заболел и вернулся на баркасе --- до того, как симптомы проявились. Он привёз болезнь домой. И там --- у людей, которые шестьдесят лет жили без контакта с материковыми бактериями, без антибиотиков, без иммунитета, без врачей, без трав, без понятия о гигиене --- она бьёт как чума.

Сорок мёртвых. За две недели. Из трёхсот.

Лев узнал не сразу. Вести шли медленно --- телеграфом, по проводам, через ламповые усилители, точками и тире. Сводка с побережья, переданная Сэмом --- тем самым Сэмом, который сидел у передатчика и стучал ключом Морзе, пока Мигель умирал в соседней комнате:

«Пост два. Сводка. Заболел грузчик Мигель. Скончался. Прибыл врач. Диагноз неясен. Ждём инструкций».

Потом --- через неделю:

«Пост один. Заболели два человека. Симптомы идентичные. Карантин объявлен».

Потом --- от островитян, через торговый пост, через Тики, который приходил на берег с белым флагом и лицом, которого Лев не узнавал.

Тики был не один. С ним --- двое молодых мужчин, молчаливых, с пустыми глазами, и женщина --- пожилая, с обвисшими щеками, которая стояла чуть позади и не смотрела ни на кого. Тики шагнул вперёд, и Лев увидел, что он похудел --- скулы обострились, руки стали тоньше, будто из него вынули что-то, что раньше держало форму.

--- Сорок, --- сказал Тики. Просто --- слово. Сорок. Без слёз, без крика --- голос был пустой, как высушенный барабан. --- Сорок моих людей. Дети. Двое --- дети.

Лев стоял на крыльце насосной станции. Утро. Туман. Кружка взвара в руке --- остывший, он забыл про него. Слушал.

--- Дети, --- повторил Тики. --- Мальчик. Шесть лет. Девочка. Три. Они... они задохнулись. Как рыба на берегу. Мы ничего не смогли. Мы --- ничего.

Лев не ответил. Не потому что не хотел --- потому что не знал, что сказать. В его мире --- в его правильном, честном, ламповом мире, где машины ездят, а не думают, где каждый клапан рассчитан, каждый чертёж выверен --- не было слов для этого. Не было формулы, не было чертежа, не было допуска. Просто --- дети. Мёртвые. Шесть и три.

В блокноте Томаса --- который лежал в ящике верстака, далеко, в поселении, в ангаре --- были слова: «Если бы у нас были таблетки. Одна таблетка». Томас писал про маму. Шестнадцатилетний мальчик, в пещере, при свете ламп Яблочкова, держал холодную руку матери и думал: одна таблетка.

Одна таблетка. Которой нет. Шестьдесят лет назад --- и сейчас.

Ничего не изменилось.

Лев поставил кружку на перила. Взял Тики за плечо --- не по-официальному, не по-протоколу, а просто --- взял. Почувствовал, как тот дрожит. Худой, обветренный, жилистый --- дрожал, как лист.

--- Пойдём, --- сказал Лев. --- Пойдём внутрь. Сэм сделает связь. Нужно... нужно что-то делать.

--- Что? --- спросил Тики. --- Что делать?

Лев не ответил. Потому что не знал.

Глава 4. Почему Раи

Раи было двенадцать, когда море забрало его отца.

Отец вышел на лодке --- один, в сезон тунца. Должен был вернуться к вечеру. Не вернулся. Утром --- не вернулся. Через три дня --- нашли лодку. Пустую. Перевернутую. Сеть --- цела. Весло --- на месте. Отца --- не было.

Старики сказали: «Море взяло. Море даёт, море берёт. Не ропщи».

Раи не роптал. Раи --- запомнил.

Он запомнил, как мать сидела на берегу и смотрела в воду. День. Два. Три. Она не плакала. Она просто смотрела. Как будто ждала, что море передумает. Что вернёт. Что скажет: «Ошибка вышла. Забирайте».

Море не передумало. Мать умерла через год. Не от болезни --- от тишины. Она перестала говорить. Перестала есть. Перестала смотреть на людей. Только на воду. И однажды --- утром --- Раи нашёл её на берегу. Сидела. Смотрела. Не дышала.

Ему было тринадцать.

Старейшины сказали: «Море взяло. Не ропщи».

Раи не роптал. Раи --- запомнил.

У него была сестра. Старше. Она вырастила его, когда родителей не стало. Потом — вышла замуж. Потом — родила дочь. Потом — утонула. Просто. Вечером. Вода была тёплая. Спокойная. Она заплывла далеко. Может, устала. Может, судорога. Может — не хватило сил вернуться.

Море забрало. Как отца. Как мужа сестры. Море даёт, море берёт. Не ропщи.

Раи не роптал. Раи — запомнил.

Он остался с ребёнком. С девочкой. Ей было два года. Он вырастил её. Он был ей — и отцом, и матерью, и братом. Она звала его «Раи». Не «дядя». Просто «Раи».

Он не знал, что потеряет и её. Тоже. Позже. Не море. Болель. Чужая. Принесённая с материка. Та, которую можно было остановить.

Но об этом — позже.

Он запомнил, что море --- не злое. Море --- безразличное. Оно не даёт и не берёт. Оно просто --- есть. И люди --- просто --- есть. И когда человек уходит в море --- он уходит в безразличие. И никто его не спасает. Потому что спасать --- некому. Потому что у островитян нет ни лодок для спасения, ни знаний, ни врачей, ни лекарств. Только --- сети. Только --- гарпуны. Только --- молитвы, которые не работают.

Раи вырос злым. Не на море --- на людей. На старейшин, которые говорили «не ропщи». На ангелов, которые говорили «как у вас дела?» --- и не спасали. На Тики, который был добрым и говорил «торговля» --- а торговля не вернула ни отца, ни мать.

Когда появились континенталы --- Раи не поверил. Не поверил, что у них есть врачи. Что у них есть лекарства. Что у них есть книги, которые учат, как не умирать оттого, отчего умерли его родители.

Он не поверил --- потому что если поверить, то придётся признать: всё это время они могли помочь. Могли прийти. Могли сказать: «Мы рядом». И не сказали. И его отец умер. И мать умерла. И если бы континенталы пришли на десять лет раньше --- они были бы живы.

Раи не мог этого принять. Легче было ненавидеть. Легче было думать, что чужаки --- зло. Что они приносят болезнь. Что они хотят захватить. Потому что если они --- зло, то можно воевать. А если они --- просто люди, которые не пришли вовремя, --- то воевать не с кем. И остаётся только --- боль.

Когда Тики привёз болезнь и сорок островитян умерли --- Раи увидел своё доказательство. Вот оно. Чужаки принесли смерть. Как море. Как безразличие. Как всё, что забирает и не возвращает.

Он поднялся на камень. Он кричал. Он говорил то, что люди хотели слышать. Потому что людям тоже было больно. Потому что людям тоже нужно было на кого-то злиться. Потому что злиться легче, чем горевать.

Он стал вождём. Не потому что хотел власти. Потому что хотел мести. Не за себя --- за мать, которая смотрела на воду. За отца, который не вернулся. За всех, кого море и безразличие забрали и не вернули.

А потом --- в расщелине --- он убил ребёнка. Стрелой. Не видя. Не зная. Просто --- стреляя туда, где были чужие. И когда увидел --- маленькое тело на гальке, --- понял: он стал тем же. Тем, кто забирает и не возвращает. Тем, кого нена-

видел. Тем, кто смотрит на воду и не спасает.

Он не застрелился. Не утопился. Не ушёл в море. Он просто --- остался. И нёс. Каждый день. Каждую ночь. И когда Лев сказал ему: «Потому что живые --- нужны» --- он впервые за десять лет заплакал. Не от боли --- от того, что кто-то увидел в нём не вождя, не врага, не убийцу --- а человека, который просто устал ненавидеть.

В тот день Раи принёс приёмник.

Лев попросил. Тот самый приёмник, через который островитяне говорили с ангелами. Раи молча ушёл. Вернулся через десять минут — с приёмником, обёрнутым в сухие пальмовые листья, потемневшими от времени. Маленький, тяжёлый, с ручкой настройки и диском, на котором облезли цифры.

Лев взял приёмник. Повертел в руках. Он был тёплый. Не как металл, нагретый на солнце. А как живой. Тёплый. Всегда тёплый. И — тяжёлый. Не по размеру. Будто внутри — что-то ещё. Что-то, чего не должно быть в обычном приёмнике.

На корпусе не было кнопок. Только ручка настройки. И диск. И — ни щели для батареек. Ни зарядного гнезда. Ни следа, что его можно открыть.

— Он работает, — сказал Раи. — Всегда работал. Сколько себя помню. Не садится. Не ломается. Просто — тёплый. И говорит.

Лев посмотрел на приёмник. Долго. Потом сказал:

— Это не наш. Это — их.

— Ангелов?

— Да. Они оставили его. Когда прилетали. Чтобы говорить с вами. Чтобы вы — слышали их. Всегда. И не могли — не слышать.

Он провёл пальцем по корпусу. Гладкий. Тёплый. Чужой.

— Это не радио. Это — поводок. Они держали вас на поводке. Семьдесят один год.

Раи молчал. Смотрел на приёмник. Потом — на Льва. Потом — снова на приёмник.

— Поводок, — повторил он. — Как на собак?

— Как на детях, — ответил Лев. — Которые не должны уходить далеко. Которые должны ждать. Которые должны благодарить. Которые не должны — знать.

Раи взял приёмник. Долго держал в руках. Потом — поставил на стол. И сказал:

— Я его разобью.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он — единственная связь. С ними. И с нами. — Лев помолчал. — И потому что — если разбить — мы станем такими же, как они. Закроем глаза. И скажем: «Не вижу. Не слышу. Не знаю». Это — их путь. Не наш.

Раи молчал. Долго. Потом — кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Пусть лежит. Но я — не буду с ними говорить.

— Будешь, — сказал Лев. — Потому что — надо. Потому

что — они знают. Что-то. Что мы — нет. И потому что — если не мы — то кто?

Раи смотрел на него. Долго. Потом — встал. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся:

— Ты — как Тару. Говоришь правильные вещи. А делаешь — неправильные.

— Какие?

— Оставляешь поводок. Чтобы — держать.

Он ушёл. Лев остался. Смотрел на приёмник. Тёплый. Чужой. Живой.

И думал: «Может, он прав. Может, надо разбить. Может, надо — порвать. Но я — не могу. Потому что — боюсь. Потому что — если порву — останусь один. С болезнью. С войной. С мертвецами. А так — хоть кто-то. Хоть голос. Хоть — надежда».

Он закрыл глаза. И включил приёмник.

Шипение. Треск. Потом — голос. Тёплый, спокойный, с лёгким акцентом. Как всегда. Как семьдесят один год. Как

будто ничего не случилось.

— Это мы. Как у вас дела?

Лев сжал кулаки. И ответил:

— У нас — сорок мёртвых. У вас — как?

Пауза. Длинная. С треском.

— Мы... сожалеем, — сказал голос. — Это — трагедия.

— Трагедия? — Лев почти кричал. — Это — преступление! Вы знали! Вы знали, что мы не одни! Вы знали, что есть материк! Есть врачи! Есть книги! И вы — молчали! Семьдесят один год!

Пауза. Ещё длиннее.

— Протокол, — сказал голос.

Лев выключил. Резко. Поставил приёмник на стол. Вышел на воздух. Сел на песок. Смотрел на море. Долго. Молча.

Море — не отвечало. Оно — просто — было.

Глава 5. Переворот

На островах --- через две недели после первых смертей --- Тики свергли.

Не мечом, не копьём --- словом. Голосом. Раи --- тот самый молодой, с быстрыми глазами, который когда-то, в мёртвом городе, возражал Тики и спрашивал «если это дома духов, почему они выглядят как дома?» --- поднялся на камень у костровой ямы и заговорил.

Он говорил --- хорошо. Яростно. Правильно. С той точностью, которая бывает у людей, которые не знают правды, но знают боль. Он стоял на камне, босой, в набедренной повязке, и голос его летел над хижинами, над песком, над океаном, и каждая фраза била, как волна в борт лодки.

--- Сорок! --- кричал он. --- Сорок наших --- мертвы! Кто их убил? Не море! Не акулы! Не шторм! Их убили --- они! Те, кто пришёл с материка! С их железом, с их дымом, с их болезнью! Мы жили --- шестьдесят лет --- жили! Без них! Без их железа, без их инструментов, без их мазута! Жили --- и не умирали! А теперь --- сорок! Сорок мёртвых! И кто виноват? Тики! Тики --- который открыл им дорогу! Тики ---

который привёз их болезнь! Тики --- который сказал: «торговля»! Торговля! Торговля смертью!

Толпа гудела. Мужчины стучали копьями о камни --- ровно, ритмично, как сердцебиение, и звук этот был страшнее крика, потому что в нём не было слов, только ярость. Женщины стояли позади, некоторые плакали, некоторые --- молчали, и молчание было хуже плача. Дети жались к матерям, не понимая, но чувствуя: что-то сломалось.

Тики стоял в толпе. Молча. Руки --- вдоль тела, кулаки сжаты. Он не кричал в ответ. Не оправдывался. Он стоял и слушал --- и думал: «Он прав. Частично --- прав. Я привёз болезнь. Не хотел --- но привёз. Мёртвым --- всё равно, хотел я или нет».

Лина --- старая женщина, которая читала блокнот Томаса по вечерам и держала динозавра на полке --- стояла позади толпы. Она не кричала. Она --- плакала. Тихо, без слёз --- просто губы дрожали и глаза были мокрые. Она потеряла внучку. Три года. Задохнулась --- как рыба на берегу. Лина стояла, прижав руки к груди, и молчала, потому что у неё не осталось слов. Она отдала их все --- блокноту, внучке, ветру, который унёс их и не вернул.

--- Что делать? --- кричал Раи. --- Прогнать их! Закрыть

берег! Никаких торгов! Никаких контактов! Они --- демоны! Они --- принесут нам ещё смерть!

Толпа --- гудела. Согласие, ярость, горе --- всё смешалось, как в котле, который закипает.

Тики молчал. Потом --- когда крики стали такими, что заглушили океан --- повернулся и ушёл. Молча. Вдоль по пляжу, босой, к своей лодке. Сел в неё, оттолкнулся от берега --- и ушёл.

Никто не остановил его. Никто не окликнул. Он был --- изгнан. Без слова, без приговора --- просто --- ушёл, и все поняли.

Раи --- новый вождь. Двадцать пять лет. Быстрые глаза. Татуировка молота на руке --- кованая, из материкового железа. Ирония: он ковал её из металла, который Тики принёс с материка.

Лев узнал о перевороте через три дня --- от Сэма, который поймал в эфире обрывок переговоров островитян. Передатчик на островах был слабый --- самодельный, детекторный, собранный из обломков старых приёмников, --- но Сэм умел слушать. Он слушал --- и слышал.

--- Тики --- изгнан, --- сказал Сэм, снимая наушники --- тяжёлые, с латунными дугами, на которых сидели картонные динамики. --- Новый вождь --- Раи. Молодой. Злой.

--- Что он хочет? --- спросил Лев.

--- Не знаю. Но --- судя по тону --- не торговли.

Лев стоял у окна насосной станции. Вечер. Туман. Океан --- серый, тяжёлый, бесконечный. Где-то там --- острова. Где-то там --- люди, которые умирают. Где-то там --- Раи, который хочет войны.

И --- где-то здесь, внутри --- тяжесть. Та самая, свинцовая, которая появилась, когда Мигель умер. Она не проходила. Она --- росла.

--- Сэм, --- спросил Лев, --- ты помнишь Мигеля?

--- Конечно.

--- Он... --- Лев замолчал, подбирая слова. --- Он же не сделал ничего. Он просто таскал ящики. Двадцать лет. Он... не заслужил.

Сэм посмотрел на него --- долго, серьёзно. Потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.